

№ 1625 Акад

ЧЕТЫРЕ СТАДІИ ВЪ ЖИЗНИ ДРЕВНЯГО ИНДУСА.

Актовая рѣчь, произнесенная въ Императорскомъ Юрьевскомъ
Университетѣ 12 декабря 1899 г.

и. д. экстр. проф. Д. Кудрявскимъ.

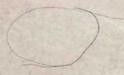
Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1900.

Handwritten text, possibly a date or number, in the center of the page.

Handwritten text in the bottom left corner, possibly a signature or initials.

№ 1625 Амур

XIII-10/3

ЧЕТЫРЕ СТАДІИ ВЪ ЖИЗНИ ДРЕВНЯГО ИНДУСА.

Актовая рѣчь, произнесенная въ Императорскомъ Юрьевскомъ
Университетѣ 12 декабря 1899 г.

и. д. экстр. проф. Д. Кудрявскимъ.

Юрьевъ.
Печатано въ типографіи К. Маттисена.
1900.

ГРЕЙДЕР

№ 900
ИЗДАНИЕ

AR Fr. R. Kreuzweid
Inst. ENSV KIKIK
Ressortologie

69.326

ДРЕВЯНО

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“ 1900 года.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ЮРЬЕВСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТЪ

ЮРЬЕВСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТЪ

Мм. Гг.!

На меня выпала почетная обязанность занять ваше вниманіе на сегодняшнемъ праздникѣ, и я хочу познакомить васъ съ однимъ явленіемъ въ области обычаевъ древнихъ индусовъ, именно съ четырьмя жизненными стадіями, которыя послѣдовательно проходилъ каждый аріецъ, т. е. человѣкъ, принадлежацій къ тремъ высшимъ, господствующимъ кастамъ.

Сначала я представлю вамъ краткій сводъ того, что даютъ намъ древне-индійскіе памятники по этому вопросу, а затѣмъ постараюсь разобрать эти данныя и, насколько возможно, объяснить ихъ.

Изъ всѣхъ народовъ индоевропейской группы только одни индусы оставили намъ своды древнихъ обычаевъ, какъ въ области религіи и права, такъ и въ области частной жизни. Памятники, въ которыхъ сохранились свѣдѣнія объ интересующемъ насъ вопросѣ, носятъ названія „книгъ священнаго закона“ (dharmaçāstra) или „правилъ священнаго закона“ (dharmaśūtra). Древнѣйшія редакціи этого разряда помятниковъ восходятъ къ 4—5 вѣку до Р. Х., а нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, еще древнѣе, и потому нѣтъ никакого сомнѣнія, что сохранные въ нихъ обычаи ведутъ свое начало изъ глубокой древности. Такимъ образомъ относительно обычаевъ древнихъ индусовъ мы можемъ свободно черпать свои свѣдѣнія изъ этихъ богатыхъ источниковъ, между тѣмъ какъ при изслѣдованіи обычаевъ другихъ индоевропейскихъ народовъ намъ приходится самимъ

собирать часто довольно отрывочный и неполный материал. На ряду съ описаніемъ различныхъ обычаевъ въ „книгахъ священнаго закона“ мы нерѣдко встрѣчаемъ и толкованія ихъ, и эти толкованія имѣютъ для насъ большое значеніе. Отличаясь обыкновенно большою искусственностью, они ясно указываютъ на позднѣйшую брахманскую обработку дошедшихъ до насъ сборниковъ и часто даютъ возможность прослѣдить исторію развитія даннаго обычая и возстановить его древнѣйшія стадіи. Для характеристики древне-индійскихъ памятниковъ, возникшихъ на почвѣ брахманской науки, нужно упомянуть еще объ одной чертѣ, важной и для интересующаго насъ вопроса. Мы часто встрѣчаемъ тамъ различныя точныя цыфры, въ родѣ шести лицъ достойныхъ почетнаго пріема, шести пороковъ женщины, пяти дыханій и т. д. По большей части намъ трудно бываетъ прослѣдить, какимъ образомъ возникли такія цыфры. Иногда онѣ имѣли, повидимому, какой-то мистическій смыслъ, но почти всегда они являются, какъ шаблонъ, котораго наружно твердо держались, хотя по существу онъ часто нарушался.

Такъ и въ нашемъ вопросѣ мы имѣемъ дѣло съ четырьмя стадіями жизни. Эти четыре стадіи созданы, повидимому, въ параллель къ четыремъ главнымъ кастамъ брахмановъ, кшатріевъ, вайшьевъ и шудръ. Первые три касты: брахманы, т. е. жрецы, кшатріи, т. е. воины, и вайшьи, т. е. селяне, представляли арійское населеніе Индіи, покорившее туземцевъ, съ которыми оно старалось не смѣшиваться, противопоставляя ихъ себѣ, какъ низшую, презрѣнную касту шудръ. „Книги священнаго закона“, поэтому, имѣютъ въ виду только три высшія касты: священный законъ существуетъ только для нихъ. Жизнь каждаго индуса этихъ трехъ кастъ была точно регламентирована съ самаго момента рожденія. Однако самое раннее дѣтство не входитъ въ счетъ индусскихъ стадій жизни. Первая стадія жизни начинается для мальчика брахмана съ 8-го года жизни, для

кшатрія съ 11-го и для вайшьи съ 12-го, когда мальчикъ поступалъ въ ученики къ брахману. Этотъ моментъ въ жизни индуса разсматривался, какъ второе, духовное рожденіе, и потому три высшихъ касты отличались отъ шудръ, какъ „дважды рожденные“. День поступления мальчика въ ученики былъ большимъ праздникомъ. Для совершения торжественнаго обряда посвященія приглашалось нѣсколько брахмановъ, которыхъ сначала принимали и угощали, какъ почетныхъ гостей, и просили произнести благія пожеланія семьѣ хозяина. Къ началу обряда мальчику стригли волосы, его купали, одѣвали въ новую одежду и кормили. Затѣмъ совершался самый обрядъ посвященія, сопровождавшійся обычнымъ жертвоприношеніемъ. Произнося соотвѣтствующія случаю молитвы и заклинанія, брахманъ — будущій учитель мальчика, заставлялъ его снять прежнюю одежду и одѣть новую и затѣмъ опоясывалъ его поясомъ, который для брахмана долженъ былъ быть скрученъ изъ трехъ нитей, приготовленныхъ изъ волоконъ травы мунджа, для кшатрія — изъ тятивы лука и для вайшьи — изъ шерстяныхъ или пеньковыхъ нитей. Верхней одеждой мальчика служила шкура различныхъ животныхъ смотря по кастѣ: шкура черной антилопы — для брахмана, шкура оленя, называемаго руру — для кшатрія и козья или коровья шкура — для вайшьи. Затѣмъ мальчикъ обращался къ брахману со словами: „Я пришелъ для изученія веды. Прими меня въ ученики. Богъ Савитаръ внушилъ мнѣ желаніе сдѣлаться ученикомъ“. Учитель спрашивалъ мальчика, какъ его имя, и мальчикъ называлъ себя. Одинъ изъ памятниковъ сохранилъ намъ интересную подробность этой бесѣды: оказывается, что при этомъ часто мальчику давалось новое имя, и онъ долженъ былъ назвать себя тѣмъ именемъ, какое назначалъ ему его будущій учитель. Принимая мальчика въ ученики, брахманъ обращался къ богу Савитару съ молитвою о благополучномъ выполненіи лежащей на немъ задачи. Внѣшнимъ выраженіемъ пріема мальчика въ уче-

ники было то, что брахманъ бралъ его за правую руку и приводилъ къ себѣ, произнося при этомъ молитву тому же богу Савитару. Послѣ этого брахманъ давалъ своему новому ученику краткое наставленіе въ томъ, каковы его обязанности. Онъ долженъ былъ пить воду, поддерживать огонь, исполнять свое дѣло, не спать днемъ, повиноваться своему учителю и изучать веды. Тутъ же брахманъ давалъ своему ученику и первый урокъ. Оба садились на землю другъ противъ друга, и ученикъ, совершивши передъ своимъ учителемъ особое поклоненіе, просилъ его произнести савитри. Такъ назывались различныя строфы священныхъ ведическихъ гимновъ въ честь бога Савитара. Учитель произносилъ одну изъ такихъ строфъ сначала по частямъ, а потомъ всю цѣликомъ, и ученикъ долженъ былъ повторить ее. Послѣ этого перваго урока ученикъ долженъ былъ подложить дровъ въ огонь, и затѣмъ ему давался посохъ, который онъ долженъ былъ съ этого времени постоянно носить.

Въ періодъ ученія мальчикъ жилъ въ домѣ своего учителя, и на его обязанности лежалъ сборъ милостыни какъ для себя, такъ и для своего учителя. Дважды въ день, утромъ и вечеромъ, долженъ былъ выходить ученикъ за сборомъ подаянія, и ему не позволялось ѣсть собранное безъ разрѣшенія своего учителя. Главная обязанность ученика, конечно, состояла въ изученіи веды, которая въ томъ или другомъ объемѣ должна была быть выучена на память. На это трудное дѣло по правиламъ полагалось по 12 лѣтъ на каждую изъ ведъ, слѣдовательно ученикъ желавшій усвоить всѣ три веды долженъ былъ пребыть въ ученикахъ 36 лѣтъ. Впрочемъ, практическая трудность выполненія такого правила несомнѣнно по большей части вела къ значительному сокращенію этого періода въ особенности для кастъ кшатріевъ и вайшьевъ, которые обыкновенно ограничивались усвоеніемъ только самаго необходимаго для совершенія обрядовъ домашняго культа. Но нѣкоторые изъ брахмановъ, повидимому, давали обѣтъ вѣчно пребывать

въ разрядѣ учениковъ, и тогда они по смерти своего учителя дѣлались учениками его сына.

По окончаніи обученія ученикъ съ разрѣшенія своего учителя совершалъ особый обрядъ, которымъ заканчивалась первая стадія жизни, называвшійся „купаніемъ“ (snānam). Послѣ этого купанья окончившій періодъ ученія, оставивъ все свое прежнее одѣяніе, облакался въ новую одежду и надѣвалъ различныя украшенія, какъ напр. серьги, вѣнокъ. Свое тѣло онъ предварительно натиралъ различными спеціальными мазями: для рукъ, для глазъ и т. д. Окончившій ученіе считался особенно почетнымъ лицомъ и назывался „снатака“ (snātaka) т. е. „выкупавшійся“. Онъ упоминается въ числѣ лицъ, которымъ надлежало оказывать почетный пріемъ при посѣщеніи ими дома. Такой снаataka обыкновенно являлся женихомъ, онъ выбиралъ себѣ невѣсту, женился, основывалъ свой собственный домашній очагъ и такимъ образомъ вступалъ во вторую стадію жизни — стадію самостоятельнаго домохозяина.

Главныя обязанности домохозяина заключаются въ поддержаніи огня на домашнемъ очагѣ и въ совершеніи разнообразныхъ жертвоприношеній. Когда молодой домохозяинъ, исполнивъ всѣ свадебные обряды, везетъ свою молодую жену изъ дома ея родителей, въ томъ же свадебномъ поѣздѣ везутъ въ сосудѣ и огонь, вокругъ котораго женихъ обводилъ свою невѣсту. Это и есть его домашній огонь. По правиламъ этотъ огонь либо добывался посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева, либо его брали съ очага какогонибудь зажиточнаго селянина, очевидно желая, чтобы онъ принесъ новому хозяину такое же счастье и богатство. Обязанность постоянно поддерживать огонь лежала главнымъ образомъ на главѣ дома, но и другіе члены семьи, его жена и дѣти, тоже могли раздѣлять съ нимъ этотъ трудъ. Если огонь по недосмотру гасъ, то его нужно было снова добыть посредствомъ тренія, и хозяинъ передъ совершеніемъ этого обряда долженъ былъ поститься и принести искупительныя

жертвы за свой грѣхъ. На этомъ домашнемъ огнѣ домохозяинъ долженъ былъ приносить множество различныхъ жертвъ. Домашній ритуаль древняго индуса былъ настолько сложенъ, что описаніе его составляетъ содержаніе особаго разряда памятниковъ, представляющихъ изъ себя своего рода требники, сборники правилъ домашняго ритуала, носящіе названіе „грехья-сутры“ (gṛhyasūtra). Каждое событіе въ жизни члена семьи отъ рожденія до смерти сопровождалось особыми обрядами, которые обыкновенно совершала глава семьи. Въ нѣкоторыхъ только наиболѣе важныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ приглашать для совершенія ихъ одного или нѣсколькихъ брахмановъ. Но кромѣ такихъ обрядовъ, поводомъ къ которымъ служили различныя событія, на обязанности домохозяина лежало совершеніе многочисленныхъ постоянныхъ жертвоприношеній. Обыкновенно они состояли въ приношеніи божествамъ части приготовленной ѣды и носили характерное названіе „жертвоприношенія варева“ или „горшечнаго варева“. Это была обыкновенно рисовая каша, главная пища индусовъ. Ежедневно утромъ и вечеромъ приносились жертвы опредѣленнымъ божествамъ и кромѣ того глава семьи долженъ былъ аккуратно совершать пять великихъ жертвъ. Эти жертвы были: во первыхъ, жертва богамъ; во вторыхъ приношеніе низшимъ божествамъ или „существамъ“ (bhūta), какъ они назывались по-индійски; въ третьихъ, жертвоприношеніе предкамъ, „отцамъ“; въ четвертыхъ, молитвенное жертвоприношеніе, которое состояло въ чтеніи ведъ и другихъ священныхъ книгъ; и наконецъ, жертвоприношеніе людямъ, которое состояло въ угощеніи гостей. Какъ видно уже изъ этого перечисленія индусы понимали слово „жертва“ нѣсколько шире, чѣмъ мы. Эти ежедневныя жертвы отличались наибольшею простотой. Болѣе сложныя жертвоприношенія совершались въ дни новолунія и полнолунія, въ началѣ дождливаго времени года и въ нѣкоторые другіе дни, приуроченные къ опредѣленному времени года. Особенно важное значеніе

имѣлъ культъ предковъ. Кромѣ упомянутыхъ уже выше ежедневныхъ жертвоприношеній приносились жертвы еще въ дни новолунія и въ другіе опредѣленные дни года. Въ случаѣ какого либо радостнаго событія въ семьѣ, напр. рожденія сына, умершихъ „отцовъ“ оповѣщали объ этой радости особымъ жертвоприношеніемъ, которое въ противоположность обыкновеннымъ траурнымъ жертвамъ отличалось болѣе радостнымъ характеромъ. Предки въ этотъ день имѣли радостное лицо, и ихъ радость была совершенно понятна: рожденіе сына, ихъ потомка, обеспечивало на долгое время принесеніе имъ жертвъ, которыя, по вѣрованію индусовъ, поддерживали существованіе предковъ на томъ свѣтѣ. Я уже не стану говорить о сложныхъ погребальныхъ обрядахъ, длившихся годъ и болѣе послѣ смерти члена семьи, а укажу только на общеизвѣстный фактъ связи культа предковъ съ заботою о поддержаніи рода. Каждый долженъ былъ заботиться о приобрѣтеніи мужскаго потомства для того, чтобы послѣ смерти его не прекращались жертвоприношенія предкамъ, въ число которыхъ онъ самъ вступалъ, переселившись въ міръ отцовъ.

„Когда домохозяинъ — говорится въ священныхъ законахъ Ману — замѣтитъ морщины на своемъ лицѣ и сѣдину въ волосахъ и дождется внуговъ, онъ можетъ удалиться въ лѣсъ.“ Такимъ образомъ онъ переходилъ въ третью стадію и становился отшельникомъ, живущимъ въ лѣсу. Съ нимъ вмѣстѣ могла уходить и его жена. Съ переходомъ въ эту стадію человѣкъ порывалъ уже всѣ связи съ міромъ, и его обязанности состояли только въ ежедневномъ приношеніи пяти великихъ жертвъ. Онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ удобствъ жизни, одежда его должна состоять только изъ шкуры или древесной коры, спать онъ долженъ былъ на голой землѣ не смотря ни на какую погоду, и пища его должна была состоять изъ плодовъ, травъ и корней, находимыхъ въ лѣсу. Кромѣ того онъ долженъ былъ стараться всячески увеличивать тягость

своей жизни различными упражненіями, изнуряющими его тѣло, какъ напр. стоять на ципочкахъ въ теченіе цѣлаго дня, по долгу сидѣть въ водѣ, поститься цѣлый мѣсяць, стоять съ поднятыми руками цѣлый день и т. д. Въ законахъ Ману мы встрѣчаемъ даже такой совѣтъ: „Онъ можетъ также полный рѣшимости отравиться по прямому направленію на сѣверо-востокъ, питаясь только водою и воздухомъ, и идти до тѣхъ поръ пока его тѣло не упадетъ.“ Это мы должны понимать такъ, что отшельнику рекомендуется обречь себя на добровольную голодную смерть, къ чему, повидимому, вели и другія благочестивыя упражненія только болѣе долгимъ путемъ.

Пройдя эту стадію отшельника, индусъ дѣлается нищенствующимъ монахомъ. Когда это происходило, мы не знаемъ въ точности, такъ какъ указанія священныхъ законовъ по этому вопросу очень неопредѣленны. Такъ же какъ и въ предшествующей стадіи, нищенствующій монахъ долженъ былъ отрекаться отъ міра; нигдѣ не оставаясь по долгу, онъ скитался какъ нищій въ изношенной старой одеждѣ, съ обритой головой, держа въ рукѣ чашку для собора подаянія. Онъ не долженъ былъ просить милостыни, а ждать, пока ему не подадутъ добровольно. За сборомъ подаянія онъ долженъ выходить лишь вечеромъ: „когда уже дымъ не подымается къверху, когда пестъ (которымъ очищали зерна отъ шелухи) лежитъ безъ движенія, когда угли уже погасли, когда народъ уже покончилъ свой обѣдъ, и остатки пици уже выброшены — тогда монахъ выходитъ за сборомъ подаянія.“ Сбирать онъ долженъ немного, только необходимое количество пици на день. Отъ такого монаха требовалось совершенно равнодушное отношеніе ко всему: если ему не подавали милостыни, онъ не долженъ былъ сердиться, но и не долженъ былъ радоваться, если ему подавали; онъ не долженъ былъ желать ни долгой жизни, ни скорой смерти, „а ждать своего часа, какъ слуга ждетъ уплаты жалованья.“ Онъ долженъ былъ размышлять

о краткости жизни, о грѣховности плоти, о бренности красоты, о мукахъ ада, о тягости болѣзней и старости, о безконечныхъ странствіяхъ души. Въ законахъ Ману сохранилось интересное указаніе на то, что нищенствующіе монахи занимались толкованіемъ знаменій, астрологіей и хиромантіей, давали совѣты въ различныхъ случаяхъ жизни и толковали законъ; имъ запрещалось только дѣлать это ради полученія милостыни.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору этихъ данныхъ, я укажу еще на сравнительную оцѣнку этихъ четырехъ стадій, какую дѣлаютъ самыя книги священнаго закона. Высшаго положенія достигаетъ человѣкъ, прошедшій послѣдовательно всѣ четыре стадіи жизни, но лучшею изъ нихъ признается стадія домохозяина, такъ какъ она поддерживаетъ три остальные. Законы Ману слѣдующимъ образомъ прославляютъ эту стадію: „Какъ всѣ рѣки и ручьи находятъ себѣ пристанище въ океанѣ, такъ люди всѣхъ стадій находятъ себѣ прибѣжище въ стадіи домохозяина. Какъ всѣ живыя существа живутъ, поддерживаемыя воздухомъ, такъ люди всѣхъ стадій существуютъ, опираясь на стадію домохозяина. Такъ какъ домохозяева поддерживаютъ людей трехъ прочихъ стадій священнымъ знаніемъ и пищею, то домохозяинъ есть самая высшая стадія.“

Въ книгахъ священнаго закона часто попадаются такія мѣста, которыя ясно указываютъ на сознаніе практической невыполнимости всѣхъ предписаній относительно всѣхъ четырехъ стадій. Если допустить, что какой либо брахманскій мальчикъ на 8-мъ году жизни поступилъ въ ученики къ брахману и желаетъ изучить три веды, то ему нужно пробыть въ ученикахъ 36 лѣтъ; слѣдовательно на 44-мъ году жизни онъ можетъ жениться и вступить во вторую стадію жизни. Такъ какъ его сынъ долженъ продѣлать то же самое, то, полагая на это еще 44 года, мы должны предположить, что только около 90-го года жизни такой брахманъ можетъ дождаться внуковъ и вступить въ третью

стадію, удалившись отшельниковъ въ лѣсъ. Конечно, невозможно допустить, чтобы этотъ брахманъ могъ дожить до четвертой стадіи, если ему удавалось дожить до третьей.

Но кромѣ этого практическаго затрудненія существуетъ много внутреннихъ противорѣчій, ясно указывающихъ на то, что эта схема четырехъ стадій въ томъ видѣ какъ она сохранена намъ въ книгахъ священнаго закона представляетъ результатъ брахманской переработки, не основанной на фактахъ дѣйствительной жизни. Первое, что бросается въ глаза уже съ перваго взгляда — это почти совершенное тождество двухъ послѣднихъ стадій. Дѣйствительно, и отшельникъ, живущій въ лѣсу и нищенствующій монахъ изображаются почти одними и тѣми же чертами. Если чѣмъ нибудь отличается одинъ отъ другого, то только тѣмъ, что въ изображеніи нищенствующаго монаха преобладаютъ спеціально брахманскія черты. Главною чертою этой стадіи являются религиозныя упражненія въ видахъ достиженія полного равнодушія къ радостямъ и страданіямъ міра. Поэтому и переходъ отъ третьей стадіи къ четвертой отличается такой неопредѣленностью.

Мы видѣли также, что отшельнику рекомендуется обречь себя на добровольную голодную смерть; въ такомъ случаѣ эта стадія являлась-бы послѣднею, и не могло-бы быть рѣчи еще о четвертой стадіи жизни. Между тѣмъ въ законахъ Ману вслѣдъ за этимъ идетъ рѣчь о стадіи нищенствующаго монаха.

Такимъ образомъ въ виду сходства третьей и четвертой стадіи нельзя назвать слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что стадія нищенствующаго монаха представляетъ повтореніе стадіи отшельника, только въ новой брахманской переработкѣ. Это предположеніе подтверждается еще и указаніями книгъ священнаго закона; мы находимъ тамъ признаніе, что стадія отшельника уже отжила свой вѣкъ и вышла изъ употребленія. Поэтому законъ совѣтуетъ прямо отъ стадіи домохозяина переходить къ стадіи нищенствующа-

щаго монаха. Законы Ману слѣдующимъ образомъ характеризуютъ задачи всѣхъ стадій жизни: „Изучивши веду, [это первая стадія брахманскаго ученика], произведя на свѣтъ мужское потомство и совершивъ по мѣрѣ силъ жертвоприношенія [это обязанности домохозяина — вторая стадія], пусть человѣкъ направитъ свои мысли на освобожденіе отъ связи съ міромъ.“ Последнее, какъ мы видѣли составляетъ задачу четвертой стадіи: такимъ образомъ здѣсь третья стадія совершенно пропущена. Слѣды брахманской обработки видны также и во многихъ другихъ подробностяхъ. Такъ напр. одну изъ обязанностей отшельника, какъ мы видѣли, составляетъ ежедневное приношеніе пяти великихъ жертвъ. Но въ числѣ этихъ жертвъ есть жертвоприношеніе людямъ, которое состоитъ въ угощеніи гостей. Трудно предположить, чтобы оставившій міръ отшельникъ, не имѣющій своего пристанища, самъ питающійся травю, плодами и кореньями, могъ выполнять эту обязанность. Гораздо проще и естественнѣе объяснять эту несообразность, какъ результатъ позднѣйшей брахманской обработки обычая, при которой всегда легко могли получиться такіа несоотвѣтствія.

Вообще нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣхъ изложенныхъ мною обычаяхъ есть много позднѣйшихъ прибавокъ, быть можетъ принадлежащихъ различнымъ періодамъ въ исторіи развитія этихъ обычаевъ. На это отчасти указываетъ также и то обстоятельство, что въ древнѣйшихъ индійскихъ памятникахъ — ведахъ съ одной стороны мы почти вовсе не находимъ указаній на многія изъ этихъ обычаевъ, а съ другой стороны нѣкоторыя данныя свидѣтельствуютъ объ иныхъ формахъ обычаевъ, касающихся стадій жизни. Изъ всѣхъ стадій въ ригъ-ведѣ есть несомнѣнное свидѣтельство о существованіи только двухъ, при чемъ опять таки они не носятъ тѣхъ названій, подъ которыми они извѣстны въ позднѣйшей литературѣ: это во первыхъ, конечно, домохозяинъ, который въ ведахъ называется „господиномъ дома“ — главою семьи, и во вторыхъ — брахманскій

ученикъ. Въ одномъ изъ гимновъ ригъ-веды, брахманы представлены въ видѣ лягушекъ, которыя, обрадовавшись наступленію дождливаго времени года, садятся другъ передъ другомъ и начинаютъ въ запуски исполнять свой однообразный концертъ. Въ этомъ сравненіи легко узнать изображеніе урока, который даетъ брахманъ своему ученику. Что касается положенія стариковъ въ древнѣйшій извѣстный намъ періодъ, то мы находимъ нѣсколько указаній на существованіе жестокаго обычая бросать престарѣлыхъ родителей на произволъ судьбы. Подобные обычаи существовали у древнихъ германцевъ и прибалтійскихъ славянъ.

Съ другой стороны и книги священнаго закона индусовъ разрѣшаютъ старику отцу оставаться въ семьѣ и жить подъ опекою сына.

Изъ всего этого мы можемъ сдѣлать выводъ, что система четырехъ стадій разработана была уже на индійской почвѣ брахманами и что первоначально существовало не четыре, а всего три стадіи.

Но хотя обработка обычаевъ носить на себѣ слѣды позднѣйшихъ подновленій и измѣненій, мы должны признать, что основа ихъ восходитъ къ болѣе глубокой старинѣ. У ближайшихъ родственниковъ индусовъ, у древнихъ персовъ, мы находимъ нѣкоторые сходные обычаи. Когда мальчикъ или дѣвочка достигали 15-лѣтняго возраста, ихъ торжественно опоясывали священнымъ шнуркомъ, и съ этого момента они вступали въ общину послѣдователей зороастрова ученія. Юноша съ этого времени становился полноправнымъ гражданиномъ, носилъ оружіе, участвовалъ въ народныхъ собраніяхъ и могъ обзавестись своимъ хозяйствомъ и семьей¹⁾. У римлянъ юноша, достигшій 17-ти-лѣтняго возраста, снималъ свою прежнюю дѣтскую одежду и надѣвалъ тогу взрослого мужчины (*toga virilis*). Послѣ этого приносилась домашняя жертва, и отецъ вмѣстѣ съ родственниками велъ

1) Geiger. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen 1882 стр. 238 сл.

своего сына на форумъ, гдѣ его занесли въ списки гражданъ, при чемъ ему давалось полное имя, если раньше онъ не имѣлъ его¹⁾. Съ этого времени онъ получаетъ гражданскія права и имѣетъ право вступить въ бракъ. Всѣ эти обычаи, несомнѣнно, стоятъ въ связи съ описанной выше церемоніей приѣма мальчика въ брахманскіе ученики. У древнихъ кельтовъ, самой западной вѣтви индо-европейскаго племени, по свидѣтельству Цезаря²⁾, подрастающее поколѣніе поступало въ ученики къ друидамъ. Къ сожалѣнію мы почти вовсе не имѣемъ свѣдѣній объ обрядахъ древнихъ кельтовъ, и потому не можемъ судить, насколько аналогиченъ съ древне-индійскимъ былъ этотъ кельтскій обычай. Во всякомъ случаѣ уже изъ сравненія индійскаго обряда съ персидскимъ и римскимъ можно вывести заключеніе, что основа его восходитъ къ періоду до исторической совмѣстной жизни народовъ индо-европейскаго племени.

Но подобные же обычаи широко распространены во всѣхъ частяхъ свѣта у дикихъ и варварскихъ племенъ. Поэтому уже давно была высказана мысль, что эти обряды индо-европейскихъ племенъ надо объяснять, какъ остатки еще болѣе глубокой древности.

Было обращено вниманіе на то, что всѣ эти обряды совершаются надъ юношами, достигающими физической зрѣлости; что на этотъ моментъ смотрятъ, какъ на второе рожденіе; что послѣ этого юноша вступаетъ въ число взрослыхъ мужчинъ, и ему дается новое имя. Такъ обыкновенно и объяснялись эти обряды: они понимались, какъ торжественный приѣмъ въ среду мужчинъ юношей, достигшихъ физической зрѣлости.

Если мы согласимся, что имѣемъ полное право проводить аналогію между индійскимъ обрядомъ посвященія въ брахманскіе ученики и этими первобытными обычаями дикихъ

1) J. Marquardt. Das Privatleben der Römer² Leipz. 1886 стр. 123 сл.

2) Caes. b. G. 6, 13, 5.

и варварскихъ народовъ (а эта аналогія, какъ мы увидимъ, дѣйствительно бросается въ глаза), то мы наталкиваемся на цѣлый рядъ затрудненій. Изъ разбора индійскаго обряда ясно, что онъ находится въ связи съ другими обычаями, которые подали поводъ къ выработкѣ цѣлой системы четырехъ стадій жизни. Объясненіе одного только обряда, конечно, не можетъ объяснить всю систему; а такъ какъ этотъ обрядъ составляетъ только одно звено цѣлаго ряда обычаевъ, то и объясненіе, даваемое ему, мы должны признать неполнымъ.

Но гдѣ мы можемъ найти полное объясненіе этихъ явленій? Помочь намъ въ этомъ дѣлѣ должно сравнительное изученіе обычаевъ, которое исходитъ изъ слѣдующихъ соображеній. Сходныя черты въ обычаяхъ дикихъ и варварскихъ народовъ съ обычаями народовъ цивилизованныхъ указываютъ на то, что эти обычаи имѣютъ общій источникъ. Тѣ же причины, которыя вызвали къ жизни данный обычай дикарей, лежатъ и въ основѣ обычаевъ цивилизованныхъ народовъ. Разница только въ томъ, что обычаи народовъ низшей стадіи культуры, сравнительно съ обычаями высшихъ, представляютъ болѣе раннія формы обычая, слѣдовательно и болѣе близкія къ причинамъ, вызывавшимъ его. Такимъ образомъ разборъ обычаевъ некультурныхъ народовъ можетъ помочь намъ разобраться въ обычаяхъ цивилизованныхъ народовъ, у которыхъ часто сохраняются остатки глубокой старины, но остатки разрозненные, ни съ чѣмъ не связанные и потому непонятные. На низшихъ ступеняхъ культуры эти обычаи еще живы, и значеніе ихъ гораздо яснѣе и прозрачнѣе. Поэтому и въ данномъ случаѣ мы можемъ надѣяться, что, изучая обычаи дикарей, стоящіе въ связи съ индусскими стадіями жизни, мы уяснимъ собѣ и значеніе этихъ обычаевъ древнихъ индусовъ.

Поэтому перейдемъ на нѣкоторое время въ совершенно другую область, на материкъ Австраліи и ознакомимся съ нѣкоторыми подробностями организаціи родства у австралійскихъ

негровъ. Я буду черпать свѣдѣнія объ этомъ предметѣ изъ замѣчательной во многихъ отношеніяхъ работы Генриха Куно, появившейся въ 1894 году подъ заглавіемъ „Die Verwandtschafts-Organisationen der Australneger“. „Почти у всѣхъ австралійскихъ племенъ — говоритъ Г. Куно — жизнь мужчины (а также и женщины) раздѣляется на три отдѣла, носящіе особыя названія, именно на періодъ дѣтства, на время, въ теченіе котораго, по выраженію австралійцевъ, человѣкъ находится въ числѣ „молодыхъ людей“, и наконецъ на время, когда онъ находится въ числѣ „стариковъ“. Это дѣленіе сильно отличается отъ нашего субъективнаго различенія молодыхъ людей и стариковъ, такъ какъ только въ первый изъ этихъ періодовъ австраліецъ вступаетъ свободно, съ момента рожденія, но вступленіе въ оба позднѣйшіе отдѣла сопряжено съ выполненіемъ извѣстныхъ условій, даетъ вступившему болѣе или менѣе широкія права и налагаетъ на него извѣстныя обязанности. . . Съ пятого или шестого года начинается для дѣтей періодъ ученія: дѣвочки должны учиться строить хижину, искать коренья и т. д., между тѣмъ какъ мальчики упражняются въ плаваніи, метаніи копья, употребленіи каменнаго топора и въ охотѣ. Уже въ этомъ возрастѣ они должны отчасти сами заботиться о пропитаніи“. Около 12 года начинается подготовка къ вступленію въ среду „молодыхъ людей“. Чтобы закалить себя, юноша долженъ продѣлать цѣлый рядъ трудныхъ физическихъ упражненій и подвергать себя различнымъ лишеніямъ. Когда юноша успѣшно выдержитъ это испытаніе и достигнетъ возраста отъ 16 до 18 лѣтъ, то онъ можетъ быть допущенъ въ среду „молодыхъ людей“. Актъ вступленія въ эту стадію жизни обставленъ большою торжественностью. Празднества продолжаются 14 и болѣе дней и состоятъ по преимуществу изъ различныхъ танцевъ вокругъ костра, изображающихъ войну и охоту на различныхъ звѣрей. Жрецы по совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ опоясываютъ посвящаемыхъ юношей поясами изъ шкуры опос-

сума и торжественно вручаютъ имъ дубину, бумерангъ, копье и другое оружіе. Подобные же обряды совершаются и надъ дѣвицами. Вступленіе въ разрядъ „молодыхъ людей“ даетъ право вступать въ бракъ. У нѣкоторыхъ племенъ существуетъ даже правило, что мужчина только тогда признается „молодымъ человѣкомъ“, когда онъ сдѣлается отцомъ. Въ связи съ этимъ находится и переходъ въ третью стадію жизни: „молодые люди“ переходятъ въ разрядъ „стариковъ“ тогда, когда ихъ дѣти переходятъ въ разрядъ „молодыхъ людей“. Переходъ изъ одного разряда въ другой сопровождается также измѣненіемъ имени. Обыкновенно имя измѣняется такъ, чтобы по нему можно было узнать, къ какому классу по возрасту принадлежитъ его носитель. На обязанности „молодыхъ людей“, кромѣ обязанности вступить въ бракъ, лежитъ участіе въ сраженіяхъ, совѣщаніяхъ, охотахъ и религіозныхъ танцахъ; а „старики“ слѣдятъ главнымъ образомъ за соблюденіемъ старинныхъ обрядовъ и обычаевъ.

Разборъ этихъ обычаевъ австралійцевъ далъ возможность Г. Куну объяснить оригинальную организацію брачныхъ и родственныхъ отношеній, господствующую среди племенъ австралійскаго материка.

Австралійскія племена кочуютъ небольшими группами въ 30—40 человѣкъ, отыскивая себѣ пищу на опредѣленной области. Каждая такая группа, или орда, раздѣляется на четыре класса, носящіе особые названія. Два изъ этихъ классовъ состоятъ изъ мужчинъ и два изъ женщинъ. Между этими классами браки заключаются слѣдующимъ образомъ: первый классъ мужчинъ вступаетъ въ бракъ съ первымъ классомъ женщинъ, и второй классъ мужчинъ со вторымъ классомъ женщинъ. Между первыми и вторыми классами браки не разрѣшаются. Дѣти первыхъ классовъ попадаютъ во вторые и обратно дѣти вторыхъ классовъ — въ первые. Такъ какъ имена этихъ брачныхъ группъ, по изслѣдованію Г. Куну, обозначали „стариковъ“ и „молодыхъ“ или „большихъ“ и „маленькихъ“, то отсюда съ увѣренностью можно

заклѣчить, что они представляютъ результатъ первоначальнаго дѣленія орды на поколѣнія „стариковъ“ и „молодыхъ людей“, дѣленія, которое такъ ярко отражается въ описанныхъ выше обычаяхъ. Бракъ между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ всегда запрещенъ. Эти первоначальныя поколѣнія, естественно раздѣлившись по пѣламъ, каждое на двѣ группы, и дали четыре брачныя класса. Разница между дѣленіемъ на поколѣнія и дѣленіемъ на брачныя классы заключается только въ томъ, что поколѣнія были закрѣплены за каждымъ лицомъ, и каждый родившійся во второмъ поколѣніи, уже не могъ перейти въ первое. Такое закрѣпленіе поколѣній было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что, переходя изъ одного поколѣнія въ другое, каждое лицо получало право вступать въ бракъ съ тѣми лицами, съ которыми бракъ ему раньше не дозволялся, какъ съ лицами другого поколѣнія. Такимъ образомъ поколѣнія превратились въ классы, и каждый отъ рожденія до смерти оставался уже въ одной опредѣленной брачной группѣ.

Такимъ образомъ австралійская организація брачныхъ классовъ представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ ограниченія браковъ между родственниками, которое проходитъ черезъ всю исторію семьи и заканчивается сложеніемъ рода, крупной группы родственниковъ сначала со счетомъ родства по женской линіи, а потомъ по мужской, группы, внутри которой браки безусловно запрещались. Родовая организація широко распространена по всему земному шару и играетъ важную роль въ древнѣйшей исторіи народовъ индоевропейскаго племени. Зачатки рода мы находимъ и у туземцевъ австралійскаго материка и потому можемъ предполагать, что наши предки дошли до родовой организаціи тѣмъ же путемъ, какимъ шли австралійцы. Поэтому небезинтересно прослѣдить въ общихъ чертахъ, какимъ путемъ австралійская орда, раздѣленная на классы, переходитъ въ родовую группу.

Рядомъ съ дѣленіемъ на классы у нѣкоторыхъ австра-

лійскихъ племенъ мы находимъ добавочныя запрещенія браковъ между близкими родственниками, между братьями и сестрами какъ родными, такъ и двоюродными. Эти запрещенія настолько суживали кругъ лицъ, съ которыми можно было вступить въ бракъ, что часто мужчина уже не могъ найти себѣ жену въ той-же ордѣ. Это обстоятельство привело къ тому, что сосѣднія орды стали обмѣниваться женщинами. Съ теченіемъ времени такіе браки сдѣлались правиломъ, и орда превратилась въ группу лицъ, между которыми браки уже не заключались. Но обмѣнъ женщинами двухъ сосѣднихъ ордъ приводилъ къ тому, что въ каждой изъ нихъ начали появляться лица, состоящія въ близкомъ родствѣ съ членами другой орды. Дѣти сестры, перешедшей въ сосѣдную орду путемъ брака, были двоюродными братьями и сестрами дѣтей ея брата остававшагося въ первой ордѣ. Браки между двоюродными братьями и сестрами не допускались, и такимъ образомъ явилась необходимость слѣдить за степенью родства не только членовъ собственной орды, но и орды сосѣдней. Это, повидимому, и повело къ счету родства по женской линіи. Женщина по прежнему переходитъ путемъ брака въ орду своего мужа, но ея дѣти получаютъ имя того рода, къ которому она принадлежитъ. Такимъ образомъ является возможность уже по имени лица опредѣлить его родство и сказать, съ кѣмъ оно можетъ вступить въ бракъ и съ кѣмъ — не можетъ. Австралійцы обыкновенно имѣютъ два имени: одно изъ нихъ указываетъ на материнскій родъ, а другое — на брачный классъ. Дѣленіе на роды исключаетъ возможность браковъ между близкими родственниками, а дѣленіе на брачные классы устраняетъ браки между лицами различныхъ возрастовъ, между „стариками“ и „молодыми“.

Естественнымъ слѣдствіемъ введенія счета родства по женской линіи явилось то, что женщина переходя въ орду своего мужа переносила туда свой родъ. Ея дѣти принадлежали къ ея роду, т. е. къ роду сосѣдней орды, изъ

которой она пришла. Такимъ образомъ въ обѣихъ сосѣднихъ ордахъ появлялись лица, принадлежащіе къ однимъ и тѣмъ же материнскимъ родамъ. Результатомъ этого процесса являлось то, что обѣ орды раздѣлялись на нѣсколько родовъ, носившихъ одинаковыя названія, и считавшихъ себя родными. На этой почвѣ возникаютъ преданія объ общемъ происхожденіи этихъ ордъ, и мы получаемъ типичную группу родственниковъ, обыкновенно называемую фратріей, дѣлившуюся на нѣсколько родовъ, которые производили себя отъ общей прародительницы. Такимъ образомъ одновременно съ возникновеніемъ рода возникаетъ и фратрія. Обѣ эти группы лежатъ въ основѣ и индоевропейской родовой организаціи; разница заключается только въ томъ, что счетъ родства у индоевропейскихъ народовъ ведется уже по мужской линіи.

Итакъ на примѣрѣ австралійскихъ племенъ мы видимъ, какимъ образомъ первоначальное дѣленіе на возрасты постепенно переходитъ въ родовую организацію. Если съ одной стороны древнѣйшее общественное устройство индоевропейцевъ основано на родовомъ бытѣ, а съ другой стороны у древнихъ индусовъ, персовъ и римлянъ мы находимъ слѣды древняго дѣленія на поколѣнія или возрасты, которое на австралійской почвѣ оказывается органически связаннымъ съ родовой организаціей, то совершенно естественнымъ является выводъ, что родовой бытъ индоевропейцевъ составляетъ послѣднее звено такой же цѣпи послѣдовательныхъ формъ организаціи родственныхъ отношеній, какою мы находимъ у австралійскихъ негровъ.

Теперь возвратимся снова къ стадіямъ жизни древнихъ индусовъ. Изъ сравненія съ обычаями австралійцевъ мы должны сдѣлать тотъ выводъ, что и индусская система стадій жизни должна стоять въ связи съ организаціей семьи и брачныхъ отношеній. Въ чемъ же выражается эта связь? Мы видѣли, что по понятіямъ индусовъ самая важная стадія жизни есть стадія домохозяина, и это воз-

зрѣніе мы должны признать очень древнимъ, такъ какъ, по брахманскимъ представленіямъ, высшаго положенія достигалъ человѣкъ въ стадіи нищенствующаго монаха, освободившись отъ всѣхъ привязанностей мірскихъ и добившись совершеннаго равнодушія къ радостямъ и страданіямъ жизни. Брахманскія воззрѣнія не коснулись, слѣдовательно, стадіи домохозяина и не могли устранить ея центральное положеніе въ системѣ. То-же самое мы видимъ и у австралійцевъ. Вступленіе въ поколѣніе „молодыхъ людей“ составляетъ самый важный моментъ въ жизни австралійца. Совершенно понятно, что именно около этого момента группируется множество наиболѣе торжественныхъ обрядовъ, по совершеніи которыхъ достигшее физической зрѣлости лицо вступаетъ въ среду полноправныхъ членовъ общества. По той же причинѣ и у индоевропейскихъ народовъ сохранились обряды, сопровождающіе именно этотъ торжественный моментъ, между тѣмъ какъ другихъ остатковъ дѣленія на поколѣнія сохранилось крайне мало.

Первою обязанностью индуса, вступившаго въ стадію домохозяина, является основаніе собственной семьи вступленіемъ въ бракъ; точно такъ же и австраліецъ, принятый въ разрядъ „молодыхъ людей“, тѣмъ самымъ получаетъ право вступить въ бракъ.

Дѣтство, какъ мы видѣли, не входитъ въ счетъ стадій жизни у индусовъ точно такъ же, какъ и у австралійцевъ. И эта черта находитъ себѣ объясненіе въ связи стадій жизни съ организаціей брачныхъ отношеній: дѣти, какъ не достигшія физической зрѣлости, и не могли входить въ счетъ. Между тѣмъ, если бы мы предположили, что дѣленіе жизни на стадіи явилось на основаніи наблюденія естественныхъ возрастовъ, то игнорированіе дѣтскаго возраста не нашло бы себѣ объясненія. Наконецъ параллелизмъ между обычаями индусовъ и австралійцевъ отражается и на переходѣ въ третью стадію. Какъ индусъ переходитъ въ стадію отшельника тогда, когда у его дѣтей

появится мужское потомство, такъ точно у нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ переходъ въ поколѣніе „стариковъ“ обусловленъ переходомъ сына въ разрядъ „молодыхъ людей“ съ появленіемъ у него дѣтей.

Сходство во всѣхъ этихъ пунктахъ древнеиндійскихъ и австралійскихъ обычаевъ даетъ намъ право объяснять индусскія стадіи жизни по аналогіи съ дѣленіемъ на поколѣнія у австралійскихъ негровъ, и мы должны признать, что въ этихъ стадіяхъ жизни сохранились остатки организациі брачныхъ и семейныхъ отношеній, изъ которой развивается постепенно родъ, лежащій въ основѣ общественной организациі всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что полнѣе всего эти остатки глубокой старины сохранились именно въ Индіи, хранящей до сихъ поръ, какъ святыню, памятники своей литературы, которая по древности занимаетъ безспорно первое мѣсто между литературами всѣхъ индоевропейскихъ народовъ.

Юрьевъ (Дерптъ) Декабрь 1899 г.

Ar 900
Кудрявский

